ОСОБЕННОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ) В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Работа представлена кафедрой государственного и муниципального управления Майкопского государственного технологического университета. Научный руководитель — доктор исторических наук, профессор С. Г. Кудаева

Автором анализируется реальная историческая практика верховного управления в черкесских княжеских владениях в начале XIX в. в контексте взаимоотношений с Российской империей.

Ключевые слова: система управления княжескими владениями, иерархическая структура земельной собственности, институт верховной власти, политические взаимоотношения.

The author analyses the real historical practice of supreme management in a Circassian prince's possessions at the beginning of the 19th century in the context of mutual relations with the Russian Empire.

Key words: control system of a prince's possessions, hierarchical structure of ground property, the supreme authority institute, political mutual relations.

Основные традиционные управленческие институты черкесского общества в сложных политических условиях первой трети XIX в. проявляют свои устоявшиеся связи достаточно отчетливо и органично вписываются в психологическое восприятие общества. Так, Э. Х. Панеш, рассматривая процесс образования политической культуры Западной Черкесии, отмечает, что этот регион обладает «характеристиками к супервыживаемости», делая обоснованный вывод о невозможности разрушения традиционной политической структуры черкесского общества и его «потенциальную готовность принять в любой момент другую форму»¹. Именно это обстоятельство объясняет симбиоз различных форм власти в регионе: княже-

ской, союзной (братства), архаической. Суть этой структуры управления сводится к тому, что, какая бы часть ее ни была по той или иной причине разрушена или под влиянием привносимых извне структур ни изменила бы свою форму, всегда остаются другие ее составляющие, сохраняя и обеспечивая политическую, а в известном смысле и этническую жизнеспособность. Структура черкесского общества представляла собой политическую структуру, способную дробиться, чтобы обеспечить свое существование в условиях политической несбалансированности традиционного общества и постоянного военного и политического воздействия².

Высшая власть князя в «аристократических» обществах дополнялась, соот-

носилась, перекрещивалась с властью народного собрания в зависимости от той или иной конкретной социальной или политической основы объекта воздействия.

В «демократических» субэтносах эта структура отличалась незначительно и была направлена в сторону большей социальной однородности общества. Здесь не было княжеского правления и основным носителем верховной власти было общенародное собрание (также исключавшее право голоса у крепостных крестьян). Однако влияние высшего дворянства, сохранявшего те же социальные привилегии и следовавшего тем же традиционным нормам, что и в «аристократических» субэтносах, здесь было немногим меньше и в целом определяло жизнь общества³.

В верхней части структуры управления черкесского общества располагался «пщы-шху» (большой князь или великий князь). Большой князь являлся верховным земельным собственником, верховным главнокомандующим и обладал высшей политической властью, регламентированной, однако, нормами обычного права. Верховная власть обязывала князя поддерживать правопорядок во владении, стоять на страже законов, что, в свою очередь, давало ему право наказывать подвластных. До середины XVIII в. «пшышху» справлялись с одной из главных своих задач - военной защитой подвластного населения. Командование вооруженными силами страны или отдельного княжества являлось насущной общественной необходимостью, а потому и действия, способствующие выполнению данной функции, не допускали паразитирования. К тому же князья не только предводительствовали войсками, но и первыми шли в бой, показывая на личном примере истинные образцы рыцарского отношения к своему долгу.

Власть черкесских князей основывалась в первую очередь на контроле

внутренней экономической деятельности, являвшейся более устойчивой стороной этой власти, чем контроль внешней торговли и распределение полученных товаров. Источники доходов князя были многообразны: рента, получаемая от всего населения княжества; подати, уплачиваемые непосредственно принадлежавшими ему крестьянами; торговые пошлины и штрафы; военная добыча и дань с подвластных народов и т. п.

В. Х. Кажаров, исследуя сословнопредставительные собрания, говорит о том, что «архивные документы, относящиеся к концу XVI - началу XVII в., уже ясно показывают, что верховного князя избирали на "совете всей кабардинской земли" с соблюдением "ряда", т. е. очередности между отдельными княжескими линиями, возводившими свой род к Иналу и составлявшими своеобразную братскую общность». Причем сама очередность была двухступенчатой: сперва определялся «ряд» той или иной линии, а затем «внутри нее выдвигался претендент на "большое княжение", который утверждался на общем собрании князей и дворян Кабарды» 1. После его смерти большим князем мог стать следующий за ним брат и так до тех пор, пока все братья не реализовывали свое право на верховное княжение. Таким образом, верховное управление передавалось по наследству, но наследовалась власть не по прямой линии (от отца к сыну), а по боковой, горизонтальной (от брата к брату).

Принцип наследования по боковой линии настолько проник во все поры черкесского общества, что, не ограничиваясь высшими эшелонами власти, уделами и сельскими вотчинами, распространялся также и на земельные участки, усадьбы и многие виды движимого имущества.

Хан-Гирей говорит о существовании такого института верховной власти в княжеских владениях, как князь-старшина («пщы-тхьаматэ»), присваиваемого, согласно обычаю, старшему по возрасту князю. С этим званием была сопряжена и обязанность председательствовать в управлении владением, а «младшие его летами князья должны ему повиноваться в общественных делах»⁵. Князь-старшина назначал съезд (хасе) в каком-нибудь из аулов владения, куда съезжаются князья и все дворянство, иногда и старшины вольных земледельцев (тльфекотль), если «обстоятельства требуют их присутствия»⁶.

В. Х. Кажаров, рассматривая такую важную функцию хасе, как избрание большого князя, констатировал, что «при установлении единовластия одной княжеской линии (ставшей затем "родом") сделало излишним сам выбор, поскольку ими автоматически, без всякой "смуты" и противодействия со стороны других линий становились поочередно, по старшинству, родные братья»⁷.

В архивных документах начала XIX в., большим князем Темиргоевского владения называется Безруко Болотоков. К началу XIX в. Темиргоевское владение состояло из двух уделов, унаследованных двумя ветвями потомков знаменитого темиргоевского князя Айтека Болотокова -Хатажука и Асланбека Болотоковых. Хан-Гирей о времени правления большого князя Безруко Болотокова пишет как о времени, когда «он прекратил внутренний беспорядок, свойственный духу и образу черкесских племен, посредством той строгости, с которой наказывал ослушников его воли и нарушителей общественного спокойствия и того сильного покровительства, которое оказывал частным и доброго поведения людям... Все благоденствовало под покровом благоразумного владельца, который... вознамерился соединить все княжеские владения, так сказать, в одно целое для защищения своих земель и прав противу внешних врагов». По плану Безруко Болотокова внутреннее управление каждого владения должно было остаться на прежних «основаниях», и от приведения в исполнение этого плана должны были произойти «важные перевороты в Черкесии»⁸. Но осуществлению этих планов помешала смерть Безруко Болотокова, убитого летом 1808 г. в сражении с абадзехами⁹.

После смерти Безруко Болотокова большим князем Темиргоевского владения становится родной брат Безруко – Мишеост Болотоков (часто называемый Мишеост Айтеков). Князь Мишеост Болотоков, по словам Хан-Гирея, «за щедроту славится между закубанскими черкесами, твердостию характера, мужеством и крепостью сил для перенесения трудов военной жизни, а данное слово держит твердо, что более всего делает ему честь» 10.

К началу 1809 г. Мишеост Болотоков заключает мир с абадзехами, намереваясь весной переселиться от Кубани ближе к абадзехам, что вызывает у российского командования подозрение в желании нарушить мирное соглашение и выйти из-под покровительства России. Однако в марте 1809 г. Мишеост Болотоков подтвердил генерал-майору Шеншину, что он, «как и брат его покойный Безруко, был приверженный к России и что от Прочного окопа до Черноморского войска за тишину отвечает, доставлять впредь пленных и беглых, довод чрез который он не воспрещал своим подданным, делать хищничества, есть тот, что он видя своих узденей награжденных от все августнейшего монарха, сам остается и поныне будто без признания за владельца» ^{11} .

Политические взаимоотношения Мишеоста Болотокова со своими соседями показывают стремление его к сохранению мира всеми доступными средствами, с одной стороны, быть верным присяге российскому правительству, а с другой — нежелание быть втянутым в братоубийственную, междоусобную войну, неминуемо приводившую к разорению подвластного ему владения. Следует отметить, что

главнокомандующий войсками на Кавказе генерал Ермолов в августе 1819 г. называет Мишеоста Болотокова «наиболее всех приверженного России»¹².

В начале 20-х гг. XIX в. часть Темиргоевского владения (удел Джамбулата Болотокова) вышла из-под управления большого князя. Увлекаемые идеей помощи кабардинцам, они призывали нападать на российскую кардонную линию для освобождения кабардинского народа, считая, что они находятся в плену у России 13. В этой сложной политической ситуации Мишеост Болотоков, с одной стороны, следовал присяге, данной российскому командованию, сообщая известные ему сведения о намерениях различных групп совершать нападения на Кубанскую линию, и лично со своими дворянами прикрывал ее, а с другой – избегал втягивания Темиргоевского владения в усобицу между двумя ее уделами.

Между тем после смерти Мишеоста Болотокова с 1830 г. по октябрь 1836 г. большим князем всего Темиргоевского владения становится Джамбулат Болотоков. Достаточно интересен факт признания и утверждения Джамбулата Болотокова в качестве владетеля Темиргоевского народа российским командованием. Подтверждением этого служат разъяснения, данные генерал-лейтенантом Головиным по факту убийства Джамбулата Болотокова. Он пишет, что в 1830 г. главнокомандующий Кавказским отдельным корпусом генерал-фельдмаршал Паскевич Эриванский «во время экспедиции, со-

вершенной под личным предводительством его светлости за Кубань, признав полезным склонить на нашу сторону Джамбулата, изволил вызвать его к себе и в последствии данных им обещаний в покорности нам, утвердить его владетелем Кемиргойского народа, населяющего пространство между Кубанью и Белою речкою» 14. Подтверждение этого факта находим в рапорте генерал-майора Султана Азамат-Гирея, где говорится о том, что генерал-фельдмаршал Паскевич «простил ему (Джамбулату Болотокову. – P. K.) все его проступки в продолжительное время его действия против нашей границы, как на лице первенствующего в горах признал и утвердил владетелем Кемиргойского племени, с которого времени он Джамбулат Айтеков остался верным России» 15.

Таким образом, в начале XIX в. на примере Темиргоевского владения видно соблюдение традиции вступления в верховное управление и передачи власти по наследству не по прямой линии, а по боковой – от брата к брату, причем этот же принцип наследования действовал и на уровне удельной и вотчинной власти. Такие же характерные особенности верховного управления подтверждаются при исследовании системы верховного управления в Бжедугском владении в начале XIX в. Полновластное господство князей и дворян в пределах своих владений согласовывалось с иерархической структурой традиционной земельной собственности, фамильным принципом и всем комплексом связанных с ней привилегий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Панеш Э. Х.* Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты власти. СПб., 1995. С. 34.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 24.

⁴ *Кажаров В. Х.*Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. С. 213.

⁵ *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 130.

⁶ Там же. С. 130.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

- ⁷ *Кажаров В. Х.* Указ. соч. С. 219.
- *Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 170–171.
- Акты Кавказской археографической комиссии (далее АКАК). Тифлис, 1869. Т. 3. C. 662.
- ¹⁰ *Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 171.
  - АКАК. Тифлис, 1869. Т. 3. С. 662.
  - ¹² АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. С. 451.
  - ¹³ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 124. Л. 474.
  - ¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 482. Оп. 1.
- Д. 62. Л. 6.
- РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Л. 62. Л. 2 об.